
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАРИСОВКИ

В.И. КОСИК

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РУССКИЙ БЕЛГРАД*

Abstract:

Kosik V.I. *The Russian Belgrade*

The article examines the occupational structure of the royal capital of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia). The author presents the images of everyday life, which include housing problem, relations with the Serbian population, maintaining their Russianness, job seeking. Part of the article is devoted to the Belgrade University. Furthermore, cultural life of the Russian Belgrade, drama, opera, ballet, concerts, are explored by the author. Such facets of Russian art as painting and architecture are not forgotten. The entire text is imbued with poems dedicated to the Belgrade life and the Russian people.

Ключевые слова: Русский Белград, повседневная жизнь, культурная жизнь, поэзия.

«Но какой же это запад, когда город называется Београд — Белый Город, и главное здание на главной его площади, высокий и кораблеобразный дом с башенками и шпилями называется «Москва», и король — в прошлом русский школьник? И по вывескам русские буквы, но слагают они слова, непривычные глазу, как из Киева во времена гетманщины, только без той кокетливо-самодовольной наглости.

Освоились скоро. В самом деле, что за трудности, когда нож по-сербски называется — нож, вилка — вилюшка, человек — човек, женщина — жено (так в тексте. — В. К.)? Стоит только настроить язык на школьный церковнославянский лад, и все пойдет, как по маслу. А сколько кругом русского! Хотя бы вот те же самые вывески над темноватыми входами

* Статья написана в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней». Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

“кафан”, где дремлет в высоких бочках густое, крепкое вино. Каждое торговое предприятие имеет свой покровительственно-именной девиз. Вот “код генерала Скобелева”, вот “код белог Цара”, вот “код веселог руса”... “код Петра Степановича, киевского помещика”»¹, — писал современник событий.

Все было свое: от мыслей о судьбах России до русской тоски.

Русский поэт Александр Николаевич Неймирок (23.8.1911, Киев — 7.10.1973, Мюнхен) написал об этом белградском Петербурге, иль Москве, иль Саратове грустные строфы:

*Так жить... Так жить, обманывая годы,
По вечерам, прихлебывая чай,
Под тяжестью изношенной свободы
Друзей поругивая невзначай,*

*И толковать о Ламартине, Прусте,
И руки нежно целовать... Потом
Мечтать о море, о девичьей грусти,
Затягиваясь скверным табаком,*

*Скорбеть о прахе дедовских усадеб,
Гвардейских шпор воображая звон,
Вести учет чужих рождений, свадеб,
Дней Ангела, крестин и похорон.*

*Так жить... Так жить миражным мертвым светом
Средь вымыслов неистовых химер...
Спешить пешком с копеечным букетом
На именины к выцветшей belle-soeur.*

*Затянутым в тугой потертый смокинг
В июльскую полдненную жару...
Писать в альбом апухтинские строки,
Разыгрывать любовную игру...*

*Так жить... Так жить, затерянным в лукошке,
Где призраком быть жизнью суждено.
И смерть придет. Тоскливой драной кошкой,
Мяукнет и царапнется в окно².*

А пока можно было купить билет в зал синема «Париж» на «русскую кинофильму» «Умирала цветущая роза»³. В биоскопе (кинотеатре) «Коларац» сходить на «великолепную русскую драму из кавказской жизни в 5 частях “Гость с неба”, в главных ролях Карабанова и Гайдаров»⁴.

Правда, после какого-либо фильма из «старого времени» было тяжело «возвращаться» в день сегодняшний.

Интеллектуалы, спорщики, празднующиеся, а зимой и желавшие отогреться в теплом помещении, как и в изгнанной их России, могли посещать разнообразные лекции. В Белграде они шли в Русском народном университете.

Назову несколько лекций. В начале февраля 1926 г. инженер В.М. Михайловский читал лекцию о «новых взглядах на проблему формирования жизни в космосе»⁵. 20 января 1929 г. педагог И.М. Малинин выступал на «захватывающую» тему: «Толкование снов»; 24 января П.Н. Ге — «Романтизм в русской живописи»⁶. 27 января известный всему Белграду Е.В. Спекторский читал лекцию «Трагедия Толстого». 31 января врач А.А. Солонский, вероятно, специально для родительниц говорил о кожных детских болезнях⁷.

Любители «высокого досуга» могли вновь почувствовать себя «избранными» на лекциях Н.О. Лосского «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», читаемых осенью 1928 г. в старом здании университета⁸. Там, вероятно, можно было встретить и старых «мистиков» и обзавестись новыми. Немаловажным обстоятельством было и то, что за «пир» Лосского ничего не надо было платить.

Высокое и героическое смешивалось в эмиграции со стремлением к уюту, занятиям любимым делом. Одни готовились спасать Россию, другие собирали марки: в Белграде действовало свое общество филателистов «Россика»⁹.

Быт имеет привычку засасывать. Кто-то посещал театр, а кто-то пил горькую, тот что-то учил, а были и такие, которые занимались сочинительством на религиозную тематику. Кроме тех, кто имел профессию, — врач, инженер, адвокат, преподаватель, специалисты высшей квалификации — остальные жили на грани нищеты. Но ... держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом. Обязательно все эти графы, князья, бароны держали четвероногого любимца — собаку или кошку, с которыми делили свою скромную трапезу. На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов¹⁰.

Быт — это и привычная еда. И русские с выгодой для себя старались для москвичей, петербуржцев, жителей провинциальной России. К февралю 1929 г. в столице Королевства насчитывалось 153 мелочные лавки, 70 молочных, 58 деликатесных, буфетов, колбасных, столовых, народных кухонь, магазинов винной торговли; 58 базаров, 51 колониальная и бака-

лейная лавки, 15 комиссионных, 13 транспортных, 7 технических контор, 2 посреднические и рекламные конторы, 14 галантерей, 6 «агентурных» контор, 8 фирм по торговле автомобилями и прокатом, 4 предприятия занимались «спекулятивной» торговлей, столько же — мануфактурной, в 3 магазинах продавались мужское готовое платье и обувь, действовало 5 книжных и издательских предприятий, 2 магазина по продаже нот, музыкальных инструментов и пр., 2 посреднические конторы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями, одно пароходное предприятие, одна торговая цветочная фирма, 3 фирмы по торговле дровами и строительными материалами, одна меняльная лавка, одна фирма по торговле кожами и др. Всего 483 предприятия¹¹.

Безошибочна была ставка на производство русской водки, любимого напитка соотечественников, не привыкших к ракии, отдающей «парфюмерией». В 1923 г. Товарищество по производству водочных изделий «Орел» в Белграде выпустило в продажу такие сорта, как «красная головка», «перцовая», «лимонная», «апельсиновая», «белая головка», «сахарная», «хинная» и «английская горькая»¹².

Открывались русские закусовые, молочные, кондитерские, служившие одновременно и чайными, ночные кафе, которых Белград раньше не имел: «Казбек», «Сейм», «Русская лира» и др. В Белграде появилось диковинное блюдо — блины, поедание которых принимало массовый характер на масляной неделе: встреча — понедельник, заигрыши — вторник, лакомка — среда, широкая — четверг, тещины вечерки — пятница, золовкины посиделки — суббота, прощание, целовник, прощенный день — воскресенье. Масленица — один из любимых русским народом праздников: она и «масленица объедаха, деньгам приберуха, тридцати братьям сестра, сорока бабушкам внучка, трехматерина дочка».

И, конечно, важное место отводилось традиционной рекламе. Я позволю себе привести здесь ее достойный образец, помещенный в «Новом времени».

*К блинам
Всегда на масляной неделе
Блины на родине мы ели.
Обычай наш уже такой,
И, надо думать, недурной.
Но без закусок и вина
Не съешь, пожалуй, и блина!
Но где же русскую взять водку,
Достать шотландскую селедку,
Купить омаров и сардин, —
Как не на Косовской, 1?!*

*Чего там, право, только нету —
Не перечислить и поэту!
Икра нежнейшая донская,
К тому ж совсем не дорогая,
Копчущки, кильки... а балык —
Проглотишь собственный язык!
Грибы, консервы и соленья,
А шпроты всем на удивленье!
Но нет! Всего не перечеть,
Что в магазине этом есть!
Пускай любитель-гастроном
Сам убедится лично в том!
А я скажу вам только то,
Что говорил уже давно:
Кто знает Д р о б о т о в а, — те
Должны поверить свято мне,
Что самый лучший магазин —
Ей-ей на К о с о в с к о й, 1!¹³*

В старой Скадарлии орала русская песня.

Борщ, русские каши, пирожки, блюда с грибами, селедка и другие, почти неизвестные, рыбы появились в ресторанах, а потом и на сербских домашних столах. Чай, который в Королевстве пили только больные, стал почти равноправным с кофе, с которого начинается день в Югославии, — писала сербская исследовательница М. Стойнич¹⁴.

В свободное время можно было и почитать книжку. Кому-то она позволяла окунуться в мир любви, другому напоминала о величии России, неразменной и неуничтожимой, третьему давала возможность позлоствовать на тему о виновниках крушения Российской империи. Каждая имела свою толпу героев — классических и не очень. И читатель выбирал свою «толпу». Одному нравился Достоевский, иному Поль де Кок, а совсем «ушедшему из времени» — Плутарх. Ну, разумеется, первенствующее значение имела рефлектирующая классика вместе с черносотенной литературой. И, конечно, не каждый имел у себя дома библиотеку.

О таких «бедолагах» заботились и книжные торговцы, и различные организации. К началу 1922 г. в Белграде вновь был открыт книжный магазин «Возрождение» И. Строганова¹⁵. В феврале 1922 г. Общество по распространению русской национальной и патриотической литературы открыло при материальной поддержке белградской колонии бесплатную библиотеку новейших книг и изданий. Помещалась она в канцелярии колонии¹⁶. Книжный фонд Белградской библиотеки Всероссийского союза

городов (ул. Милоша Поцерца, 23) к 1922 г. превышал две тысячи книг на русском и иностранных языках. Для колоний был льготный абонемент¹⁷.

К 1921 г. в Белграде были известны такие книжные магазины, как «Русская мысль» (ул. Пуанкаре, 20) с рассылкой газет и книг, Всеславянский книжный магазин (ул. Пуанкаре, 36), розничный магазин Русского товарищества книжной торговли под фирмой «Славянская взаимность». Для завсегдагаев ресторана Завалишина в Белграде в 1922 г. был открыт киоск, где можно было после обильной еды купить для «умствования» книги и газеты. Там имелась и библиотека, принадлежавшая издательству бр. Грузинцевых¹⁸.

Религиозная литература была широко представлена в библиотеке при просветительном отделе Общества попечения о духовных нуждах русских в Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев. — *В. К.*)¹⁹.

Естественно, не для всех книга была «местом отдыха». Если «старики» после работы спешили к семьям, сидели в кафанах и ресторанах за рюмкой «своей» водки, напоминавшей им о Родине, ходили по театрам и клубам и пр., то у молодежи были свои развлечения, не требующие особых расходов: прежде всего танцы, кино, участие в любительских спектаклях. Летом добавлялись сезонные развлечения. Кто не мог выехать на природу, отправлялись по утрам на «Русские пляжи». Самыми известными слыли купальни на Саве — «Ла Манш», «Дубровник» и даже страшная по своему наименованию «Сибирь». Там не только жарили свои тела под палящим солнцем и пили разбавленное водой вино или пиво, для охлаждения «органо», но и, следуя с охотой западной моде, выбирали «мисс» своего пляжа. В 1930 г. в «Ла Манше» первой была Ольга Ильяшевич, в «Сибири» — Надежда Бородина, в купальне «Дубровник» — ученица 8 класса Наташа Турбина²⁰.

И, конечно, нельзя не затронуть «разговоров» о возвращении домой, на Родину. Их было много: и дома, и на улице, и в прессе, и на днях рождения, и на юбилеях, и на поминках. Возвращение домой — это обретение себя в вечно живом «Вишневом саду», который не просто срубить и уничтожить. Россия пережила и татар, и поляков, и нашествие двенадцати языков, переживет и большевиков, уверяли себя и других гг. белградцы из России.

В свое время Иван Алексеевич Бунин определил миссию русской эмиграции, насколько я помню, как память ненависти к большевикам, завладевших «его Россией». Но все же «миссия» связана больше с русской культурой, в которой жила, творила и с которой знакомила новые страны русская эмиграция. Не был исключением и Белград.

Русские уважали талант, знания и готовы были платить за те же многочисленные концерты, устраиваемые в Белграде разнообразными испол-

нителями, искусство которых позволяло уйти от серых будней и забот в мир музыки, пения, танца, в мир волшебных грез. Искусство очищало душу. А это было главным.

Живая музыка и пение звучали не только на концертах, но и в домах, квартирах, комнатах русских беженцев. В русском кругу за чашкой чая или бутылкой водки пелись самые разные песни. В магазинах можно было купить ноты для пения и рояля на любой вкус. Там были и Виктор Абаза, и Александр Вертинский, и Юрий Морфесси, и Иза Кремер.

Но это были, так сказать, характерные музыка и песни для всего русского зарубежья.

У того же Белграда были и «свои» любимцы, например: в исполнении Любови Орловой песня советского народа — «Широка страна моя родная» (из фильма «Цирк»). Любили танго и песню «Будет поздно...» из репертуара Ольги Янчевецкой, песню «Ханум» (Сергей Франк — музыка, Ольга Франк — русский текст, Сергей Страхов — сербский перевод), песню «Две слезинки» (русский текст и музыка — Сергей Страхов, сербский текст — Наташа Страхова, фоноаранжман — Юрий Азбукин). И в эмиграции не утратившим способность посмеяться над «другими» предлагалось пойти осенью 1924 г. на концерт автора сатиры и политической пародии Петра Карамазова, в репертуар которого входили «Суд над русской интеллигенцией», «Молитва павших жертвой самосуда» (в октябре его можно было увидеть и услышать в зале «Станкович»)²¹.

С открытием сцены Русского дома имени императора Николая II (1933 г.) любители искусства зачастили по вечерам в это известное всему русскому Белграду здание в стиле русского ампира с великолепным театральным-концертным залом. Практически на его сцене выступали все: от начинающих артистов-любителей до профессионалов.

Подчеркну, что в монархическом Белграде театральная жизнь была, пожалуй, самой богатой на Балканах. По данным исследователя русской диаспоры в Югославии А. Б. Арсеньева, в Белграде за 25 лет было показано не менее 400 спектаклей²².

Феномен русского театра в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в сжатой форме можно объяснить тем, что русский люд, в том числе и артистический мир, смог чувствовать себя в этой стране все же не только беженцем, но и славянином и по старинке тем же «старшим братом» в области театрального искусства, драматургии. И самое главное — он был востребован самими изгнанниками, для которых театр был не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным раздражителем мысли, чувства. Он нес в себе четыре времени года, три формы времени, эпоху — «до 1917 г.» с его классикой, неопределенное «теперь в беженстве» со смехом над собой, слезами над Россией, верой в счастливый конец.

А что такое самодеятельный театр для русских вдали от дома?

Это всегда возможность и для актера, и для зрителя уйти в другую реальность, стать на полтора-два часа другим человеком с иной, чем у тебя, судьбой, даже, может быть, счастливой.

Это своеобразная дверь на родину, когда прошлое оборачивается настоящим...

Известной всему театральному Белграду была Юлия Валентиновна Ракитина, актриса, режиссер. С конца 1920-х годов она была художественным руководителем театра Русской драмы в Белграде. Активно занималась режиссурой и играла на белградских сценах, не боялась ставить советские пьесы. Правда, она всегда могла «спрятаться за спину» своего мужа, Ю.Л. Ракитина, авторитета в театральном мире Белграда.

О самой Юлии Ракитиной в сатирическом журнале «Бух!!!» были напечатаны такие строки:

.....
Кому не худо жить в Белграде?

Сейчас ответим мы,

Так вот:

<...>

*Мадам Ракитиной. Она
 Для русской сцены создана,
 Для воплощения кузин
 И подношения корзин.
 Роль этой дамы всем известна,
 Хоть на спектаклях и не тесно,
 Но все же все спектакля ждут,
 И ей мерси за тяжкий труд!
 А труд велик — всех научить,
 Как нужно плакать и любить,
 Ходить, смеяться, умирать,
 Моргать, сморкаться и чихать...
 Садиться, шаркать, брать платок,
 Изящно делать экивок
 И, ставши к публике лицом,
 Оваций тщетно ждать потом...
 Над чувствами вести контроль, —
 Вот какова той дамы роль!
 Но все же жить не худо ей,
 Она директор—чародей!
 Без ничего спектакль дать,
 Все это нужно понимать!!:
 Мы же ей славу воздаем
 И новых контрамарок ждем...²³.*

Нельзя не вспомнить и Татьяну Николаевну Яблокову. В Белграде в 1937/1938 г. по ее инициативе был организован Союз русских артистов во главе с ней, регулярно ставивший спектакли в Русском доме. О ней в журнале «Бух!!!» были такие строчки:

*Кто эта славная Татьяна,
Уже не Гремина ль она?
В глазах огонь, в устах румяна, —
Еще недавняя весна!
Но, наклонившись очень близко,
Мне кто-то шепчет вдруг:
«Она звезда! Она артистка!
И Яблоков ее супруг»!
Я умилен был. Здесь, в Белграде,
Татьяну Пушкина узреть,
Но вот Татьяна на эстраде —
И захотел я умереть!
Ее услышав на экране,
Я смел бы аппарат винить,
Но на эстраде голос Тани
Я Богу лишь могу простить —
Так пьяно, рьяно, неустанно
Читала монолог Татьяна:
«Но я другому отдана —
И буду век ему верна».
С тех пор я к Тане ни ногой —
Как хорошо, что есть другой!»²⁴*

«Веселил» зрителей и А.М. Ренников (настоящая фамилия — Селитренников), чьи пьесы не оставляли равнодушными зрителей, которым в иронично-гротескной форме показывали их же жизнь в изгнании.

Однако основное внимание все же уделялось классике. И здесь был замечен Александр Филиппович Черепов, прибывший в Белград в апреле 1929 г.

Добавлю, что с первого же взгляда он очаровывал романтических натур, прежде всего представительниц прекрасного пола. Поэтому в Белграде он и получил прилипшее к нему прозвище «Распутин».

О Черепове в шутивно-ироничном тоне писали в журнале «Бух!!!»:

.....
*Кому не худо жить в Белграде?
Сейчас ответим мы,
Так вот:*

1.

Во-первых Черепову — он
 Имеет пары три кальсон,
 Громоподобный низкий глас,
 Весьма фотогеничный фас.
 Он весел редко, чаще хмур,
 Пенсне, к нему же черный шнур,
 А за пенсне — свирепый взор...
 Уча любви и красоте,
 Он заявлял: Я М. Х. Т.!
 Он М. Х. Т. — и потому
 Мы слепо верили ему.
 Но это было всё давно,
 Теперь готовит для кино
 Он новых звезд без крепких слов,
 Да, — вот он, Черепов, каков...²⁵.

Причем здесь кино? — можно задаться вопросом. Дело в том, что разнообразный в своей деятельности Черепов основал в 1930 г. Югославянское общество деятелей кино. В 1931 г. он вместе с Михаилом Каракашем снял комедию с участием Ольги Соловьевой «Неуклюжий Буки» в двух частях: «Неуклюжий Буки на аэродроме» и «Неуклюжий Буки на купании». В 1933 г. он снял с членами своего любительского киноклуба фильм в стиле бурлеска «Приключения доктора Гагича»²⁶.

Имя Черепова связано и с открытием в Белграде Русского общедоступного драматического театра, игравшего свои спектакли в Русском доме.

Для веселья и приятных воспоминаний игрались «всеядные» спектакли как «Псиша» Ю.Д. Беляева, «Первая муха» В.А. Крылова. Все это очень нравилось консервативному русскому Белграду. При этом театр, в труппе которого было добрых три десятка артистов и артисток, обходился без какой-либо помощи.

За первые два сезона театр представил зрителю свыше 50 пьес. Среди них — «Плоды просвещения», «Горе от ума», «Идиот». «Дворянское гнездо», «Вишневый сад», «Гроза».

Не менее 200 пьес было поставлено на сцене Русского дома.

Русский Белград — это и русские имена в архитектуре. Об этом уже написано много, поэтому остановлюсь лишь на нескольких моментах.

В Белграде, как уже отмечалось, был весьма известен Русский дом — культурный и научный центр. В этом центре русской жизни находились: домовая церковь, Русско-сербские мужская и женская гимназии, начальная школа, Русская публичная библиотека, Русский научный институт,

Русский общедоступный драматический театр с залом на 750 мест, Русское музыкальное общество, общество «Русский сокол», музей, посвященный императору Николаю II, где общество ревнителей его памяти, возглавляемое генералом Флугом, собрало множество реликвий, связанных с царствованием императора-страстотерпца; музей Русской конницы с множеством гравюр и фотографий, зимний сад, бильярдная, литография, кинозал, зал для заседаний, комнаты отдыха, читальня, гимнастический зал. Посещаемость Дома была весьма значительной²⁷.

Его архитектор В.Ф. Баумгартен подчеркивал, что студии Русского дома, «служба порознь для работы различных общественных организаций русских художников, музыкантов, артистов и писателей, — в своем общем, гармоничном целом должны содействовать объединению служителей русского и югославянского искусства, которое повело бы всех нас вместе по пути к, несомненно, предстоящему пышному расцвету славянского искусства и культуры в грядущие светлые времена Объединенного Великого Славянства»²⁸. И еще. Если задаться вопросом, в чем суть архитектуры, то ответ один — в ее красоте, которая была присуща и работам Баумгартена.

А теперь, чтобы передохнуть от прозы, — небольшое стихотворение Е. Журавской о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

*Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы, и кисти, и пера,
И наших дум и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души.
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз.
Там кружев нежных паутина,
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчел,
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,
Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьется исполин,*

*Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,
Попытка первая малютки –
Рисунок робкий и простой,
И милый облик институтки
С наивной девичьей косой...
И всё напомним, что в лишеньях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушенья,
Мы живы, мыслим и творим²⁹.*

Вместо эпилога.

И сейчас русские — потомки беженцев «первой волны», «новые русские» из тех, кто сражался за Сербию в конце второго тысячелетия, русские женщины, вышедшие замуж за мужественных белградцев, русские мужчины, женившиеся на очаровательных београджанках, — все они продолжают строительство Белого Города, история которого еще хранит немало свидетельств и тайн бытия русского имени на своих улицах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Роцин Н.* Русские в Югославии. По чужим краям // Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. 9. IV. № 15. С. 12.

² *Неймирок А.Н.* Так жить... Так жить, обманывая годы // Антология поэзии русского Белграда. Сост. О.Г. Джурич. Белград, 2002. С. 96.

³ Новое время. 1923. 1. II. № 530. С. 3.

⁴ Там же. 14. IV. № 589. С. 3.

⁵ *Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 118.

⁶ Новое время. 1929. 20. I. № 2314. С. 3.

⁷ Там же. 27. I. № 2320. С. 3.

⁸ Царский вестник. Белград. 1928. 4. XI. № 12. С. 3.

⁹ *Качаки Ј.* Руске избеглице у Кра свини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944. Београд, 2003. С. 224.

¹⁰ *Стојнић М.* Руска емиграција међу нама // Руси без Русије Српски Руси / Изд: Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 15–16.

¹¹ Новое время. 1929. 1. II. № 2324. С. 2.

¹² Там же. 1923. 29. IX. № 728. С. 4.

¹³ Там же. 1930. 23. II. № 2648. С. 3.

¹⁴ *Стојнић М.* Указ. соч. С. 14–15.

¹⁵ Новое время. 1922. 26. I. № 227. С. 4.

¹⁶ Там же. 24. II. № 250. С. 3.

¹⁷ Там же. 6. VII. № 357. С. 4.

-
- ¹⁸ Там же. 1922. 1. I. № 209. С. 3.
- ¹⁹ Там же. 3. X. № 431. С. 3.
- ²⁰ Царский вестник. 1930. 30. VIII. № 107. С. 6.
- ²¹ Новое время. 1923. 27. X. № 752. С. 3; 10. XI. № 764. С. 4.
- ²² *Арсеньев А.Б.* Русские театральные труппы в Белграде (1921–1944 гг.) (Рукопись).
- ²³ Бух!!! Vouh — revue satirique russe. 1932. № 12. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Там же. № 11. С. 3.
- ²⁶ *Volk P.* Istorija jugoslovenskog filma. Beograd, 1986. S. 75.
- ²⁷ *Зах Ник.* Русский Белград // Часовой. 1939. 05. 06. С. 27.
- ²⁸ Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 28.
- ²⁹ Старое время. 1924.04.09. (22.08.) № 71. С. 1.